

М. М. Сафонов

Греческий вопрос как прелюдия к Крымской войне

Как известно, Крымская война началась с того, что Россия летом 14 июля 1853 г. ввела свои войска в Дунайские княжества Молдавию и Валахию. Порта Оттоманская после требования вывести их и отказа России 4 октября объявила ей войну. В ответ Николай I 20 октября 1853 г. опубликовал манифест, в котором объявил войну Турции. Этот документ можно назвать точкой невозврата в Крымской войне. Одни историки считают, что введение войск в придунайские княжества не являлось рубиконом, после перехода которого война стала неизбежной. Другие исследователи полагают, что введение российских войск в Дунайские княжества сделало Крымскую войну неизбежной. Я являюсь сторонником именно этой точки зрения. Манифест 20 октября завершался словами: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеке»¹. В этих словах, апеллирующих ко Всевышнему, в действительности была выражена беспредельная вера императора Николая I в собственные силы. В манифесте содержалось упоминание о том, что ведущие европейские державы в религиозном споре относительно Святых мест занимали сторону России, они, дескать, увещевали Османскую империю пойти на уступки. На самом же деле это было далеко не так. Я убежден, что эта сентенция не была намеренной ложью, высказанной с целью ввести в заблуждение население России, как полагал академик Е. В. Тарле в своем классическом труде «Крымская война»². Николай не стремился кого бы то ни было обмануть. Кроме одного человека — самого себя. Это фраза — важнейшее свидетельство того, насколько заблуждался сам император, выдавая желаемое за действительное.

Сегодня общепризнано, насколько царь неверно оценивал сложившуюся международную обстановку и ту роль, которую он сам играл в тот момент в международных делах³. Употребляя выражение, взятое из другой исторической эпохи, это было «головокружение от успехов». Конечно, нельзя сбрасывать со счетов существенную роль ближайшего окружения императора и прежде всего фельдмаршала австрийской, прусской и российской армии, графа Ереванского, князя Варшавского наместника Царства Польского И. Ф. Паскевича, одного из немногих людей, кому бесконечно доверял император. Как убедительно показал Е. В. Тарле, от позиции фельдмаршала во многом зависело решение царя относительно ввода российских войск в Дунайские княжества. Но трезвый стратег, совершенно верно оценивавший сложившуюся чрезвычайно неблагоприятную для России международную обстановку, давший много ценных советов Николаю относительно тактики и стратегии российских войск в Дунайских княжествах, не сказал царю решительного «нет» относительно целесообразности такого шага, как ввод войск. Понятно, если обладаешь едва ли не всеми наградами и титулами, которые существовали в Российской империи, если получаешь от царя подарок в 1 млн рублей, а затем и имение на еще большую сумму, если сам император отдает тебе честь и называет «отцом командиром», то сказать ему «нет» именно тогда, когда августейшее ухо ничего другого не хочет услышать, кроме «да», не хватит духа даже у такого лично честного и бескорыстного человека, как Паскевич! И он сказал, точнее, написал, то, чего от него ожидал Николай. Российские войска вошли в Дунайские княжества, и война началась⁴.

Когда верховный правитель возглавляет государство на протяжении трех десятилетий и постоянно слышит «да», он начинает свято верить в то, что эти «да» происходят оттого, что все его решения безупречны, и он утрачивает чувство самосохранения. Когда Николай отошел в мир иной, А. Герцен щедро раздавал чаевые лондонским мальчишкам, разносчикам газет, за то, что они бодро кричали на лондонских улицах: «Impernikel is dead». По этому поводу Искандер острил: «Николай умер от Евпатории в легких»⁵. Но я не верю в самоубийство царя. Не потому, что для такого шага у него не хватило бы мужества. Но оттого, что он был верующим, а для истинного христианина суицид — вещь невозможная. Неверно было бы утверждать, что неудачи в Крымской войне свели «имперникеля» в могилу. Хотя не подлежит никакому сомнению, что ход войны и военные неудачи во многом способствовали тому, что царь преждевременно отошел в мир иной.

Но только ли выпестованная льстецами самоуверенность погубила Николая? Я полагаю, что объяснение — «головокружение от успехов» — служившее альфой и омегой советской историографии Крымской войны, не совсем верно. Чтобы докопаться до истины, необходимо сравнить позиции Александра I и Николая I по вопросу целесообразности ввода российских войск в Дунайские княжества, которые уже как три десятилетия могли бы быть под протекторатом России или даже стать ее территорией.

Как это ни парадоксально прозвучит, этого судьбоносного для последующей истории России ввода войск в Дунайские княжества в 1853 г. могло бы и вовсе не быть...

22 февраля 1821 г. сын господаря Молдавии и Валахии, эмигрировавшего в Россию, по происхождению грек, генерал-майор русской службы А. К. Ипсиланти, командир гусарской бригады, флигель-адъютант Александра I с группой сторонников перешел пограничную реку Прут и в молдавском городе Яссы провозгласил начало восстания против Порты Оттоманской. В первой половине 1821 г. подполковник П. И. Пестель, служивший в штабе адъютантом главнокомандующего 2-й армии, был командирован, выражаясь современным языком, в качестве разведчика в Дунайские княжества и в нескольких аналитических записках представил отчет о положении дел, которые были доставлены царю. В этих документах, которые сыграли немаловажную роль при оценке сложившейся ситуации Александром I, Пестель намеренно исказил сложившуюся ситуацию. Он представил Ипсиланти орудием в чужих руках, участником общеевропейского революционного заговора, имеющего отрасли в европейских столицах с центром в Вене. Подполковник сильнейшими образом преувеличил численность и силу этой организации, сделав акцент не на национально-освободительной, а на социальной составляющей движения. Он представил этеристов чуть ли не ответвлением карбонаризма. Очевидно, при такой трактовке это движение должно было угрожать самой России с ее внутренними проблемами, и вопрос о поддержке Ипсиланти Александром I снимался сам собой. Пестель поступил так не в интересах будущей революции, как полагала О. М. Киянская, а оттого, что воспользовался представившимся случаем в очередной раз запугать царя⁶.

Если освободиться от идеологического тумана, которым окутана ленинско-сталинская концепция декабризма М. В. Нечкиной⁷, то становится очевидным, что тайное общество, даже точного названия которого в действительности мы не знаем, в течение 10 лет занималось запугиванием Александра фантомом цареубийства, уничтожением всех членов императорской фамилии, введением республики и т. д.⁸ В развернутой рецензии на публикацию сочинений С. П. Шипова я подробно описал механизм, посредством которого через князя И. В. Васильчикова тайное общество доводило эти угрозы до царя⁹. Это прекрасно видно на примере Семеновской истории, в которой напуганный царь увидел руку тайного общества, которой там и не пахло¹⁰. Настолько сильно царя напугали. Тайное общество и те, кто стоял за ним, делали это для того, чтобы удержать царя от восстановления Польши¹¹, не дать царю провести крестьянскую реформу, при которой были бы ущемлены доходы дворянства¹², добиться уничтожения военных поселений¹³, представляющих угрозу для существования дворянства как привилегированного сословия и, наконец, удаления с политической арены А. А. Аракчеева¹⁴. В этой связи чрезвычайно показательны, как конспираторы старались использовать греческий вопрос для

своих целей. В ряде своих статей: в сборнике к столетию со дня рождения А. А. Зимины «Письмо Ф. Ф. Вадковского 3 декабря 1825 г. и проблемы изучения декабризма»¹⁵, «И. В. Шервуд — спецгент Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича?»¹⁶, а также в работе «Всевропейский заговор, “Филики Этерия”, декабризм» в сборнике памяти В. Е. Возгрина, я подробнейшим образом показал, как МИД и Главный штаб вопреки очевидным фактам старались убедить Александра в том, что «Этерии» в России не существует и никакого тайного общества, управляемого из-за границы, в нашей стране нет. Но конспираторы и их покровители сделали все, чтобы убедить царя в том, что такое общество есть, и постарались замешать в него представителей греческой диаспоры, прежде всего семейный клан этнического грека Я. Н. Булгари, члена «Этерии», родственника А. К. Ипсиланти. В этот конгломерат они постарались замешать военные поселения и тем самым навести подозрения на А. А. Аракчеева. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Александр неожиданно не умер в Таганроге.

Из вышеизложенного хорошо видно, почему Александр воздерживался от того, чтобы оказывать поддержку грекам, и не пошел на то, чтобы ввести войска в Дунайские княжества, когда туда вошел Ипсиланти, хотя внешнеполитическая ситуация в тот момент была гораздо более благоприятной для России, чем 32 года спустя. Сопоставляя ее с ситуацией 1853 г., когда перед Николаем стояла дилемма, вводить ли войска на эти территории, становится понятно, почему император решился на этот шаг. Ситуация была принципиально иной. Греция уже являлась независимым государством. Никакого тайного общества, которое на протяжении многих лет терроризировало бы императора угрозами цареубийства и резни всей царской фамилии, давая при этом понять, что «заграница нас поддержит», уже не существовало. Да и оно было просто невысказано в николаевское царствование после 14 декабря 1825 г. То, что удерживало Александра, теперь не имело места, и как бы толкало императора на шаги, на которые его покойный брат три десятилетия назад оказался неспособным. Стоит ли удивляться тому, что одним из главных итогов Крымской войны стала постановка вопроса о реформах в России и о создании такого государственного устройства, при котором определенные расхождения между правительством и стремлениями государственных сословий разрешались бы не такими методами, как это имело место во второй половине царствования Александра I?

¹ Хроника современных военных действий. СПб., 1855. С. 18–19.

² Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. Т. VIII. М., 1959. С. 265.

³ Высколков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 405.

⁴ Тарле Е. В. Крымская война. С. 242–252.

- ⁵ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 11, 12.
- ⁶ Киянская О. И. Пестель. Офицер. Разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 371–400.
- ⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 338, 339.
- ⁸ Сафонов М. М. Всеевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2020. № 20 (1). С. 58–69.
- ⁹ Сафонов М. М. [Рец.]: Шитов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб.: Росток, 2021. 760 с. // Историческая экспертиза. 2023. № 4. С. 256–262.
- ¹⁰ Лапин В. В. Семеновская история. Л., 1991. С. 182.
- ¹¹ Сафонов М. М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 г. // Россия и Польша: Два аспекта европейской культуры. СПб., 2012. С. 491–503.
- ¹² Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 285.
- ¹³ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому. 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 52–56.
- ¹⁴ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 12–15.
- ¹⁵ Сафонов М. М. Письмо Ф. Ф. Вадковского 3 декабря 1825 г. и проблемы изучения декабризма // VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию А. А. Зимина: материалы Международной научной конференции. М., 2020. С. 496–513.
- ¹⁶ Сафонов М. М. И. В. Шервуд – спецгент Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XIV. СПб., 2016. С. 18–30.

References

- EJDEL'MAN N. Ya. *Gercen protiv samoderzhaviya*. [Herzen against autocracy. In Russ.]. Moscow, 1973.
- KIYANSKAYA O. I. *Pestel'. Oficer. Razvedchik, zagovorshhik*. [Pestel. The officer. The scout, the conspirator. In Russ.]. Moscow, 2002.
- LAPIN V. V. *Semenovskaya istoriya*. [Semenovskaya istoriya. In Russ.]. Leningrad, 1991.
- NECHKINA M. V. *Dvizhenie dekabristov*. [The Decembrist Movement. In Russ.]. T. 2. Moscow, 1955.
- SAFONOV M. M. *Vseevropejskij zagovor, "Filiki Eteriya", dekabrizm*. [European conspiracy, "Filiki Eteria", Decembrism. In Russ.]. // *Tруды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2020. No. 20 (1). S. 58–96.
- SAFONOV M. M. *Shipov S. P. Politicheskie i e'konomicheskie sochineniya. Vospominaniya. SPb.: Rostok, 2021. 760 s.* [Shipov S. P. Political and economic writings. Memoirs. St. Petersburg: Rostock, 2021. 760 p. In Russ.] // *Istoricheskaya ekspertiza*. 2023. No. 4. S. 252–263.
- SAFONOV M. M. *Rech Pospolitaya i "Moskovskij zagovor" 1817 g.* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and the "Moscow Conspiracy" of 1817. In Russ.] // *Rossiya i Pol'sha: Dva aspekta evropejskoj kul'tury*. St. Petersburg, 2012. S. 491–503.
- SAFONOV M. M. *Process po delu dekabristov kak fenomen obshhestvenno-politicheskoy zhizni Rossii*. [The trial of the Decembrists as a phenomenon of the socio-political life of Russia. In Russ.] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie i duxovnye ценности Rossii. Programma fundamental'nykh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk*. Moscow, 2012. S. 279–293.
- SAFONOV M. M. *Pis'mo F. F. Vadkovskogo 3 dekabrya 1825 g. i problemy izucheniya dekabrizma*. [The letter of F. F. Vadkovsky on December 3, 1825 and the problems of studying Decembrism. In Russ.] // *VII Ziminskije chteniya. Dokumental'nyj istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennye problemy i zadachi. K 100-letiyu A. A. Zimina. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2020. S. 496–513.

SAFONOV M. M. I. V. *Sherwood* — *speczagent sankt-peterburgskogo voennogo general-gubernatora M. A. Miloradoviča?* [I. V. Sherwood — special agent of the St. Petersburg military Governor-General M. A. Miloradovich? In Russ.] // *Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'*. Istoricheskie chteniya. Vyp. XIV. St. Petersburg, 2016. S. 18–30.

TARLE E. V. *Krymskaya vojna*. [The Crimean War. In Russ.] // Tarle E. V. *Sochineniya*: v 12 t. T. VIII. Moscow, 1959.

VY'SKOCHKOY L. V. *Nikolaj I*. [Nikolay I. In Russ.]. Moscow, 2003.

Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina. [Notes, articles, letters of the Decembrist I. D. Yakushkin. In Russ.]. Moscow, 1951.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Сафонов. Греческий вопрос как прелюдия к Крымской войне // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 199–205

Аннотация: Крымская война началась с ввода российских войск в Дунайские княжества. Этот шаг Николая I принято считать результатом неверной оценки международной обстановки, явившейся следствием «головокружения от успехов» российского самодержца, свято верившего в свою непогрешимость и внимавшего подобострастным голосам царедворцев. Однако причина неверной оценки стратегической ситуации заключалась в ином. Это отчетливо видно при сравнении попыток разрешения греческого вопроса при Александре I и его преемнике. Александр отказался поддержать восстание А. К. Ипсиланти и воздержался от введения войск в Дунайские княжества, так как тайное общество, возглавляемое П. И. Пестелем, нашло способ убедить царя в том, что «Этерия» является орудием строго законспирированной организации. Центр ее находится в Европе, и эта конспирация может быть использована против России. В самодержавной России отсутствовал легальный механизм разрешения противоречий между государственной властью и интересами сословий. Тайное общество выработало механизм, посредством которого на протяжении 10 лет угрозами царевичества, истребления императорской фамилии, введения республики оно старалось удержать монарха от совершения шагов, считавшихся неприемлемыми для дворянского сословия. Для того чтобы эти угрозы выглядели более внушительно, тайное общество старалось всеми возможными способами создать в глазах царя иллюзию прямой связи конспираторов с европейской «Этерией» прежде всего посредством греческого клана этериста, родственника Ипсиланти Я. Н. Булгари. Эти опасения играли немаловажную роль для царя при решении греческого вопроса. Александр не пошел на то, чтобы ввести войска в Дунайские княжества, когда туда вошел Ипсиланти со своим отрядом, хотя международная ситуация в тот момент была гораздо более благоприятной, чем 32 года спустя. Когда в 1853 г. перед Николаем встала дилемма, вводить ли войска на эти территории, ситуация была уже принципиально иной. Греция являлась независимым государством. Никакого тайного общества, которое на протяжении многих лет терроризировало бы императора своими угрозами, не существовало. То, что удерживало Александра, теперь не имело места, и ситуация толкала императора на шаги, на которые его покойный брат три десятилетия назад оказался неспособным. Стоит ли удивляться тому, что одним из главных итогов Крымской войны стала постановка вопроса о либеральных реформах в России? В том числе о создании такого государственного устройства, при котором расхождения между правительством и стремлениями государственных сословий разрешались бы не такими методами, как это имело место во второй половине царствования Александра I.

Ключевые слова: Крымская война, Николай I, Александр I, греческий проект, А. К. Ипсиланти, «Этерия», П. И. Пестель, Е. В. Тарле, И. Ф. Паскевич.

FOR CITATION

M. M. Safonov. The Greek question as a prelude to the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 199–205

Abstract: The Crimean War began with the entry of Russian troops into the Danube principalities. This step of Nicholas I is considered as the result of an incorrect assessment of the international situation, which caused the “dizziness of success” of the Russian autocrat, who firmly believed in his infallibility and listened to the obsequious voice of courtiers. However, the reason for the incorrect assessment of the strategic situation was different. This is clearly seen when comparing the attempts to resolve the Greek question under Alexander I and his successor. Alexander refused to support the A. K. Ypsilanti’s uprising. The emperor refrained from sending troops into the Danube principalities, as a secret society headed by P. I. Pestel found a way to convince the tsar that “Etheria” was an instrument of a strictly secret organization. Its center was in Europe and this conspiracy could be used against Russia. In autocratic Russia, there was no legal mechanism for resolving contradictions between state power and the interests of the estates. The secret society has developed a mechanism by which, for 10 years, through threats of regicide, the extermination of the imperial family, and the introduction of the republic, it has tried to keep the monarch from taking steps that were considered unacceptable by the nobility. For these threats to look more impressive, the secret society tried in every possible way to create in the eyes of the tsar the illusion of a direct connection between the conspirators through, first of all, the Greek clan of the etheric and a relative of Ypsilanti Ya. N. Bulgari with the European “Etheria”. These concerns played an important role in the tsar’s decision on the Greek question. Alexander did not go to the point of sending troops to the Danube principalities when Ypsilanti and his detachment entered there, although the international situation at that moment was much more favorable than 32 years later. When in 1853 Nicholas faced the dilemma of whether to send troops to these territories, the situation was already fundamentally different. Greece was already an independent state. There was no secret society that would terrorize the emperor with its threats for many years. What had held Alexander back no longer took place, and the situation pushed the emperor to take steps that his older brother three decades ago proved incapable of. Is it any wonder that one of the main outcomes of the Crimean War was the raising of the question of liberal reforms in Russia? Including the creation of a state structure in which the differences between the government and the aspirations of the state estates would be resolved not by such methods as took place in the second half of the reign of Alexander I.

Key words: The Crimean War, Nicholas I, Alexander I, the Greek project, A. K. Ypsilanti, Etheria, P. I. Pestel, E. V. Tarle, I. F. Paskevich.

Автор: Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН.

Autor: Safonov, Mikhail Mikhailovich — Candidat of Historical Sciences, Research Associate of the St. Petersburg Institute of History of the RAS.

E-mail: m.safonov@list.ru